
Алина МИТРОФАНОВА

РАССКАЗЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Долгие улицы бесконечного города. В них завязла, запуталась и окончательно заблудилась жизнь Марины. Как будто все вокруг не для нее, как будто она живет чьей-то совсем другою жизнью.

Вот идет она в свой чайный магазин по длинным улицам рано утром. Вот весь день кружится по магазину, улыбается покупателям, взвешивает чаи, вдыхает их ароматы. Вдыхает. Ароматы убаюкивают ее, пытаются завлечь в дальние страны, пробудить к жизни. Но нет такого аромата, ради которого захотелось бы ей пробудиться.

А вот и вечер, предпоследняя электричка. Одинокая съемная квартира — на нее-то и уходит большая часть зарплаты. Вернуться бы домой, в свой далекий маленький город. Но нет, ей кажется, все о ней там давно забыли. Даже родители. Даже друзья. Только соседи вспомнят на мгновение, если она все-таки приедет. Посмотрят ехидно в ее сторону, скажут, вон еще одна вернулась, не вышла замуж, не по зубам пришелся большой город.

Марина морщится, как только это представит. Ну уж нет — только не домой! Нет на свете ей дома. Только длинные бесконечные улицы бесконечного города.

И так ходит она в свободные дни, свободные, дождливые и серые. Лета не было уже несколько лет. Только маленький дождик, неловкий целовальщик ее худых щек.

А все целовальщики, кроме дождя, внушают ей легкое отвращение. Как будто бы давно надо и хочется целоваться, но душа от поцелуя не расцветает, не поет, а, наоборот, сжимается, скукоживается. А все, от кого пела хоть чуть-чуть, растворились в этих долгих улицах, заворожив, околдовав и исчезнув намного раньше всяких поцелуев. Нет ей в этом городе дорог ответной любви.

Все не то! Дождь стучит по крышам. Серая долгая Миллионная, Нева проглядывает между домами, маня и отталкивая своим девятнадцатым веком.

Путь Марины лежит в Эрмитаж. Когда она не думает ни о чем, ей хочется идти туда, точно она забыла там что-то. И вот одинокая Марина бродит по длинным-длинным залам. Смотрит на гордые портреты, смотрит на старый мир, на душный Неаполь. «Нет-нет, не мое» — говорит она сама себе, не думая ни о чем. Смотрит на страстные лица Эль Греко... «Нет, я не оттуда! Я не Мария Магдалина и не испанская сеньора». А длинные залы тянутся, переплетаются. А за окном Нева все так же говорит о девятнадцатом веке. Марина ходит, не думая, ей кажется, что и глаза можно закрыть, картины сами окликнут ее, позовут. Но время, уже, время... Надо идти домой на съемную квартиру, спать где-то в глубоко спальном районе.

Алина Валерьевна Митрофанова родилась в 1992 году в Тихвине. Окончила Санкт-Петербургский государственный институт культуры. По образованию библиотекарь. Состоит в Санкт-Петербургском союзе литераторов. Публиковалась в журналах «Невский альманах», «Нева», «Балтика», «Окно». Автор книги стихов «Непокой». Живет в Санкт-Петербурге.

Ах, если бы хоть раз кто-то встречал ее в квартире. Свет был бы зажжен, а на столе накрыто. Тогда бы можно было почувствовать себя здесь дома!.. Но нет, только тишина, тишина. Одно время в квартире с ней жила кошка, но и та сбежала, когда Марина выпустила ее погулять. И след простыл. Лучше скитаться по подвалам, чем жить в этой тихой, одинокой квартире. Или нет, не скитаться, а просто найти свой дом, вернуться домой.

И снова тянутся длинные длинные прямые улицы. Длинные, как жизнь, прямые, как чужая судьба. Кто она? — иногда сквозь полудрему думает Марина. Откуда? И ноги снова ведут ее в Эрмитаж. И снова она бродит среди картин и все ищет, ищет то, чего сама не знает.

Серый дождь целует ее лицо, нежно касается бледных губ. И ей тоже хочется целоваться. Но как ответить дождю, воздуху, миру? Быть может, нужно просто найти правильные губы?

— Мужчина, какой чай вы предпочитаете? «Улун», «Эрл Грей»? Я бы посоветовала их. Молочный «Улун» — подойдите, понюхайте, — Марина подносит открытую баночку с чаем к своему носу и манит к себе покупателя. Мужчина подходит, склоняется над баночкой, Марина стремительно целует его. Изумленный, он не знает, что сказать.

А Марина:

— Нет, это не вы, простите.

Губы ищут другие губы, но все встречные губы не те. Поцелуй в жизни и поцелуй на экране — разные поцелуи. Может, она просто пересмотрела слишком много фильмов?

— Девушка, да что вы себе позволяете! Я женат и приключений не ищущ!

— Извините, вы были одеты слишком элегантно. Просто подумала, может, это вас я ищущ всю жизнь.

— Вы сумасшедшая, девушка!

* * *

— Ты милая, Марина, но странная. Тебе не надо ничего от отношений, кроме поцелуев? Да? — пытается уяснить красивый хипстероватый парень.

— Нет, мне теперь и поцелуев не надо. Твоих.

* * *

— Марина, вы уволены, слишком много жалоб от покупателей.

Марина молчит, хотя отчего-то ей смешно.

— Ну, вы хоть скажете что-нибудь? Вы хорошо разбираетесь в чаях, но целовать всех встречных мужчин на рабочем месте?!

Марина снова улыбается чему-то. Это все ей снится. Нет ни работ, ни зарплат, только серые улицы заплетаются большими узлами площадей, только голуби летают над ними, высматривая случайные хлебные крошки. И серое, серое небо. И лета нет уже несколько лет.

* * *

Денег становится меньше день ото дня. На этот месяц еще оплачена тихая квартира в спальном районе. А потом?

Отчего в этом ненастоящем мире есть аппетит? Есть холод, стужа среди вечной поздней осени? Листья снова опали, голые брейгелевские ветки тихо тоскуют на сером небесном фоне о своем несбывшемся.

— Девушка, отчего вы тут стоите?
— Нет, я не проститутка и не попрошайка.
— Зачем же вы тогда лезете целоваться?
— Зачем вы сказали «лезете» — это пошлое слово. Нет, вы не тот. Простите, я больше не буду вас целовать.

Поиск новой работы затягивается. Что-то она упустила. Поэтому все и идет не так. Нужно совсем немного. Но что?

И снова, снова тянутся долгие залы Эрмитажа. За окнами бьется в осенней истерике Нева. Нева, это древнее чудовище, стянутое смиренной рубашкой из гранита. Нет, ей не Неву. Ей...

Она оглядывается по сторонам. И видит, вон он — ее мужчина с умными карими глазами. На темном фоне в гофрированном воротнике. Написано: «Неизвестный художник. Портрет молодого человека». Но погодите, погодите... Она закрывает глаза. Осталось сделать совсем немного.

Она подходит все ближе, ближе. Дотрагивается до полотна руками.

Издали уже бежит музейная бабушка:

— Девушка, девушка, что вы делаете? Вы заплатите штраф. Это же вандализм.

Но Марина уже не слышит ее. Она хватает из угла стул. Забирается на него. И прежде чем бабушка выбьет стул из-под ее ног, она целует мужчину. И проваливается в картину.

Бабушка в ужасе замирает, только была перед ней Марина, и вдруг ее нет. Зато на картине рядом с мужчиной теперь находится благородная дама в строгом платье с гофрированным воротником.

ПОКЛОНЕНИЕ ОНЛАЙН

День был приторный какой-то. Солнце не просто припекало, а оглушало. Но Власа с толку не сбить даже солнцу. У каждого человека талант есть. И он его ведет. Вот и Власа он вел в пустынном дворе, образованном хрущевками, спортивной площадкой и зарослями шиповника.

Шиповник отцвел. Шиповник ему не в помощь. На дворе глупый месяц июль.

Навстречу идет широкая старушенция, идет, ковыляет, хмуро глядит на него. Нет, она не подходит. Нужно отойти в сторону. Подождать. Кто ждет, тот обязательно дождется.

Старушенция прошла. Завернула во двор спешащая женщина в цветастом костюме.

— Женщина, женщина, извините... — начал он, вставая у нее на пути.

— Я вас извиняю, — отмахнулась женщина и продолжила спешить.

Затем во двор вошли два подвыпивших философа, они ему точно не подходили. Влас напрягал все внутренние силы, чтоб их выпроводить из двора. Минут через пять, допив из бутылки, они наконец кончили разговор и двинулись каждый по своим делам.

Власу уже стало надоедать сидеть. Никогда нельзя начинать разговор с «извините», как будто ты виноват. Ты, между прочим, в беду попал. Не поверят твоему тону. Тон настраивать надо. И «женщина» — тоже звучит грубовато. Нужна девушка.

И вот, на его счастье, во двор вошла та самая девушка. «Та самая», потому что, по представлениям Власа, она подходила идеально для его таланта. Миловидная, хрупкая, с длинными, чуть вьющимися волосами, в легком летнем сарафане. И никуда она не спешила, думала о чем-то своем.

— Девушка, добрый день! — вынырнул он ей навстречу. И, не давая ничего сказать в ответ, начал песню:

— Девушка, я попал в трудную ситуацию, мне нужна помощь.

«Только не убегай, не убегай!» — параллельно гипнотизировал ее он внутренним диалогом.

Девушка остановилась.

— Что у вас случилось? — спросила она вежливо.

— Спасибо, что не прошли мимо. А то все проходят, отмахиваются. Такие равнодушные люди.

Она вопросительно взглянула на него, как бы говоря: «Продолжайте».

— Девушка, я из другого города. Здесь был по работе, на один день. Днем жена позвонила, сказала, что родила на два дня раньше, чем ожидалось. Ну, я на радостях и подвыпил с товарищем. Переборщил чуток, заснул на скамейке. Просыпаюсь — ни товарища, ни денег, ничего. Можете мне хоть немного денег одолжить на билет домой? Я вам переведу.

Девушка посмотрела на него с легким сомнением:

— И сколько же вам нужно денег одолжить?

— Ну, рублей пятьсот. Вы меня очень выручите.

— А заработать их не пробовали? Вагоны поразгружать, тут вокзал рядом. Или листовки пораздавать?

«Не все так легко», — пронеслось в голове у Власа. Надо продолжать наступление.

— Не все так легко, девушка. Кстати, как вас зовут?

— Регина.

— Не все так легко, Регина. Жена беспокоится. Тут меня и обманут скорее, я же не местный. Выручите меня? Я вам здоровьем мамы своей клянусь, все вам верну. Только скажите, куда прислать, перевести.

Девушка вздохнула.

Влас нервно разминал себе пальцы. Оглядывался по сторонам, благо двор оставался все таким же пустынным.

— Значит, вам деньги нужны, — медленно и как-то неожиданно уверенно заговорила девушка. — Я могу, конечно, предложить вам позвонить жене, но вы наверняка и номера телефона ее не помните.

— Отчего же, помню, но я уже просил несколько раз позвонить, не дозвонился. Может, случилось что... — Влас изобразил испуг. Ему уже и в самом деле начало казаться, что где-то ждет его жена с новорожденным сыном. Этакая слегка располневшая блондинка с кудрями. Лежит она на большой кровати, прижимает сына к себе и плачет, плачет. В комнате не убрано, душно. На стене висит ветхий ковер. Никак нельзя такой женщине оставаться без мужчины.

— Хорошо, — вдруг прервала девушка поток его мыслей. — Я дам вам деньги.

— Спасибо! — тут же машинально выпалил Влас.

— Но вам их придется-таки заработать.

— Каким образом?

— Вы же в беде. Вы на все согласны? — она как-то озорно улыбнулась.

— Смотри на что... — помедлил Влас.

— Не беспокойтесь, изменять жене я вас не попрошу, — рассмеялась девушка.

— Так что я должен сделать?

— Ничего особенно сложного. Поклонитесь мне три раза.

— Поклониться? Вы что? — Влас стал настораживать такой поворот событий. — Человек в беду попал, а вы его кланяться себе заставляете?

— Это что, так сложно? Да, за пятьсот рублей, может, и сложно. Но, — она порылась в своей маленькой аккуратненькой сумочке и достала банкноту размером в пять

тысяч рублей, — а вот так вполне себе. Сможете даже улететь к себе домой. Вы же недалеко живете.

— Нет, село Жеребьевка, двести пятьдесят километров на северо-восток. Аэропорта, правда, нет.

— Ну, на такси доедете, как раз хватит. С комфортом. Только поклонитесь мне трижды.

— Регина, — он еле вспомнил, как зовут девушку, — у вас все в порядке? Такое просите...

Девушка усмехнулась:

— Какое вам дело? У вас проблемы, а я могу вам помочь.

Влас воровато озирался по сторонам. Пять тысяч ему, конечно, не помешали бы. Вокруг никого не было, может, просто вырвать у девушки кошелек и убежать?

Девушка будто поймала его мысль и убрала кошелек в сумочку.

— Значит, вы не хотите? Что ж, ничем вам помочь не могу.

Она развернулась и сделала пару шагов.

Влас бросился ее догонять.

— Девушка... Регина, вы только так мне помочь готовы?

— Да, — отрезала она.

— Что ж, я готов.

Лицо ее расплылось в блаженной улыбке.

— Чудесно!

Тут шагах в пятидесяти из-за угла показался один из пьяных философов.

— Погодите, люди...

— Да что ж вы так смущаетесь! Люди, подумай! Я сейчас еще и онлайн-трансляцию в контакте заделаю!

— Вы что?

«Нет легких денег!» — подумалось Власу с грустью. Но где-то в его воображении уже плотно засела жена с младенцем, дожидавшаяся его возвращения. Вот она встает с кровати, кладет сына в люльку, идет кипятить чай. Напечет блинов к его приезду, он будет вкушать их. А после входить в ее обильное тело, откроет окно в душевной комнате, и хорошо там будет...

— Пять тысяч с онлайн-трансляцией... всего?

Девушка посмотрела на него совсем зло, достала из кошелька еще пять тысяч.

— Больше у меня нет, — и как-то грустно, даже наивно добавила: — Вся повышенная стипендия...

— Так-то лучше, — буркнул Влас, забыв про свою роль. — И после двух поклонов, пожалуйста, первую купюру мне. Вторую после третьего? О'кей? А то вдруг вы меня надуть решили, пользуетесь моим несчастным положением.

— Хорошо, хорошо, начинаем.

Девушка достала айфон и навела камеру на себя. Потом на Власа и начала:

— Дорогие друзья, привет-привет! Всех люблю! Сейчас будет забавное представление. Этот человек говорит, он попал в беду. Ему нужны деньги на поезд домой. Его обокрали. Я отдам ему в двадцать раз большую сумму только за то, что он сейчас в онлайн трижды поклонится мне... — она чуть помедлила, видимо, отвечая на комментарий. — Да-да, прямо как искушение Христа сатаной. Я сегодня в роли сатаны! — она хихикнула.

«Тоже мне отличница, хорошистка, дьяволица, сатаница», — зло подумал Влас.

— Прошу, — девушка торжественно выпрямилась, вытянула руку с телефоном.

«Даже на меня не смотрит, все в гаджет свой богомерзкий!»

Влас громко вздохнул. Как будто ему не кланяться приходилось, а в деревенский унитаз прыгать.

И моментально склонился. Перед глазами был асфальт, так близко он его не видел лет с пятнадцати, когда подрался с мальчишками и был порядком избит. Маленький муравьишка полз по своим делам. Вдали за ногой девушки плелась улитка. У девушки были удивительно белые ступни, вены просвечивали сквозь кожу.

— Хорошо. Один раз есть.

Влас поднялся.

Огляделся все так же опасливо вокруг.

Пьяный философ издали смотрел на него прифигившим взглядом. Откуда ни возьмись стал появляться народ.

— Итак, друзья, первый поклон есть! Еще два, и наш друг сможет спокойно вернуться домой даже на такси. И еще ему и на украшенице для своей супруги хватит. Да-да, ставка возросла до десяти тысяч... Вот на что Регина тратит свою стипендию.

Влас снова глубоко вдохнул. И быстро упал на колени головой в асфальт второй раз. Ее ноги весело переминались, далеко сверху доносился ее голосок:

— Второй раз! Йо-хо-хо!

И тут же ему на голову полетела первая пятитысячная купюра.

Он быстро схватил ее. Поднялся. Просветил на солнце, проверяя на подлинность. Засунул в карман.

— Смотрите, наш друг нам не очень верит. Проверяет. Все верно, приятель. Я честная девушка.

«Да, все верно! Рвануть уже домой к жене. Нет, еще пять тысяч, и можно неделю вообще не думать о деньгах... — и как бы оправдываясь перед самим собой: — В копилку на семейный отпуск. Жена будет рада. Все ради семьи».

Тут один из пьяных философов выскочил:

— Эй, что ты делаешь? Ты же ей кланяешься.

Влас передернуло. Он вдруг прильнул к девушке, пытаясь ее поцеловать.

— Прощать не хочет, кланяйся, говорит, — импровизировал он.

— Все равно не дело, — заметил философ.

— Вранье! — беспощадно перебила Регина. — Ему нужны деньги. Я дам их. Только пусть трижды поклонится мне.

— Да это же душу продавать — называлось в старые времена...

— Сейчас у нас времена другие. Какая разница, кому поклониться, если тебе сразу денег дадут. Удобнее, чем своему начальнику. Быстро и результативно.

— Девушка, — вдруг выскочил второй философ. — А это у вас единичная акция? Я бы тоже присоединился.

— И вы душу хотите за десять тысяч продать? — рассмеялась она.

— Я и за пять готов. Даже за тысячу. Да что там?! И за двести рублей... Мне бы опохмелиться. Не выпью — умру, тоже ведь трудная ситуация? — он театрально закатил глаза.

— Вы опоздали, простите. Больше денег у меня нет. Итак, продолжим, — сказала она уже в камеру. — Наш друг продолжает на дорогу домой зарабатывать. Последний третий раз!

Асфальт был горячим-горячим, почти обжигал ладони. Улитка давно уже уползла, муравьишка исчез и подавно. Белые ступни пританцовывали. В ушах шумело. Сигналила машина, которой их действие не давало припарковаться.

Влас медленно поднялся, как будто ничего не слыша вокруг.

Вот девушка протянула ему вторую купюру. Она что-то еще говорила своим подписчикам, подмигивала, смеялась. Влас не слышал. Засунув вторую купюру в карман, он бросился бежать. С добычей. На электричку. В село Жеребьевка. К жене.